

Андрей ЧЕРНОВ

# СПБ, или нежилой фонд







**Андрей ЧЕРНОВ**

**СПб,  
или нежилой фонд**

**КНИГА СТИХОВ**

**"СИНТАКСИС"**

**ПАРИЖ**

**1991**

*Картинки к этой книге  
рисовала ученица второго класса  
Саша РУСАКОВА*

© «Syntaxis» 1991

8, rue Boris Vildé  
92260 Fontenay-aux-Roses  
FRANCE

*Виктору Правдюку*

Ангел, вслепую летящий над Лиговкой, не замыкает трамвайной — в натеках заката — оснастки, не оставляет на глянцевой голубизне бледную сыпь стеклореза, но явно к развязке дело, и на перекрестке клаксон даром в осиплую спину рожком завывает, — экологически чист и почти невесом, Господи! — все-то летит и почти поспеваает в недрах метрошных дворцов, где подгорный указ окаменелый скреплен в сталактитах мажорных аж Георгадзе, и мимо неоновых касс пригородных — через Мгу — мимо платных уборных в волнах лаванды, и ближе, дворцом проходным через парадный подъезд в византийском зловонье, сквозь витражи, небеса и промышленный дым, сквозь репродуктор смердящий и крики вороньи кооперации цивилизованной, сквозь лейблы, и всю фурнитуру генштаба, и Лету — все-то летит он поодаль тебя, но не врозь: мол, не печалься, хотя бы и песенка спета.

Воценую щеколду опрокинув,  
та осень набухала по садам  
мясистой мимикрией георгинов,  
цветенье уподобивших плодам.

И все же от заката до заката,  
в предвестьи всероссийских непогод,  
здесь, в садоводстве мясокомбината,  
как счастливы мы были в этот год!

Как счастливы — уже на самой бровке,  
в скворечне — запотевшей — в два окна:  
минутный жемчуг бельевой веревки  
был вечен, как Китайская стена.

Цветных теней земные имена,  
их теснота, и тяжесть, и томленье —  
как девочка природа влюблена,  
как девочка — и день, как день рожденья.

До края лет — о сколько этих дней  
до края лета — добрых, долгих, милых.  
Вот и трава все выше и пышней.  
Особенно вот эта, на могилах.





Особенно когда зеленого в избытке  
над заводью в тени... и тянет, тянет так,  
что стоит разогнуть заглотыш этой пытки —  
душа сойдет с крючка и канет в облаках.

А все же длится для — запоминанья, что ли? —  
купание громов и мальчиковый стыд:  
чего он там торчит, как военрук при школе,  
опережением того, что предстоит?

Особенно шатры и шпицеры проспекта  
в сошествии огня среди рыхлых воздушей —  
естественный урон нетронутого лета,  
свивание завес из зданий и снастей,

и то, и то, и то, что с мясом выдирает  
невесь чего клочок, и метит без следа, —  
дарит исподтишка да втихаря спасает,  
особенно когда, особенно когда.

Шитье повилики и вспененный панцирь плюща,  
оконный проем изумрудами перегрузивший,  
ворвутся в жильё, биомассою хлопоча  
о том ли, что расписание четверостиший  
увы, устарело. На мемориальном гвозде,  
забитом едва ль не Языковым — жизни обуза  
опасна: где плющ завивался — взойти лебеде.  
Не выдержать груза.

Мы что-то нарушили. Хаоса топкую плоть  
ни тяпкой, ни словом, замешкавшись, не удержали,  
заемной гармонии грезы что толку полоть?  
В саду запустенье, когда зацветают скрижали.  
И если грибы набухают на колосниках  
в однажды законсервированном паровозе —  
смотри на обочину. Лирики в наших местах  
не больше, чем в прозе.

## РАДИЩЕВ

*Абраму Терцу*

Пироги на поду  
или хрен на меду —  
все равно не пойду  
у тебя в поводу,

надышался я красным и синим  
по твоим по чухонским пустыням.

О, пылают горé Китежи-миражи,  
а в миру мятежи да кнута кутежи —  
поздно прятаться, негде бояться,  
с домочадцами бы попрощаться.

И над всею страной — слепоглухонемой  
семиствольной цевницей, стальной тетивой:

— Есть тут кто-то живой?  
Ну хоть кто-то живой,  
ну хоть кто-нибудь тоже,  
хоть кто-то ж — живой?

Перепели песни и во тьму  
переговорили разговоры —  
вот и разошлись по одному  
прожекторы, мальчики, позеры.

Лезли удивленные на свет,  
трепетали на ветвях крылатых —  
ах, листва 60-х лет,  
как летела ты в 70-х!

А когда погасла та звезда,  
и померкла, не взойдя, иная —  
мы вошли за ними, ни стыда,  
ни иллюзий не перенимая,

и хотя стояли на своем —  
прожили свое, да не прожили,  
и теперь их песенки поем,  
потому что новых не сложили.



## ПОМИНОВЕНИЕ

Нету их. И все разрешено.

*Д. Самойлов*

Когда уйдут и эти,  
последние, когда  
в провал тысячелетий  
затянется вода,

когда сомкнутся краски  
и отслоится крик,  
и хрустких строчек связки  
слизнет сухой язык,

в две-тысячи-недальнем  
заштопанном раю —  
каким воспоминьем  
у бездны на краю

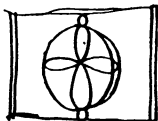
среди иных разборок  
историка рука  
обмерит тот огарок —  
десятые века?

Столетия антитезы,  
чреда великих войн,  
стальных машин протезы,  
их рев, и вой, и вонь —

трехмерная опока,  
заштатные места —  
ни пылкого пророка,  
ни кроткого Христа,

а эпигонов масса —  
талдычат и мычат,  
под красным знаком Марса  
и тот, и тот зачат.

И подытожит хмуро  
из своего угла:  
— Была литература.  
Что толку, что была?



Не глотнувшие духа и страха того,  
не вобравшие грудью уклада стального,  
не всосавшие мертвого млека его, —  
вот за то и хлебнули всего остального.

манной каши надежд да косых посошков,  
да простывшей водицы — возможно насколько —  
ох и розов отвар либеральных вершков,  
ох и вяжет язык из корней настойка...

Кто там семя бросал, а кто локти кусал,  
из каких кладенцов на цыганке монисто,  
модернист конформисту козу показал,  
или где убодал конформист модерниста —

все едино. При деле и тот, и другой.  
Крепко колышки вбиты. Такая эпоха,  
что и мат на заборе все больше благой,  
да и тот не слышней воробьиного вдоха.

Если думать о времени — вечность проходит быстрее.  
Жестяная волна пустотела и ветер недвижим.  
Этот город — тавро, табачок от голландских гостей  
скандинавскому пардусу в ноздри. Да весь же и выжжен.

Если думать о времени — времени как бы и нет.  
Лишь лиловый зрачок примечает сквозь щелку в граните:  
то ли пир на весь мир, то ли третьеразрядный банкет?  
Вот и метр в галунах: не взыщите, мон вье, не взыщите!..

Беломоро-балтийский хабарик на Невской губе  
да музейное жерло в засаде у той крейсерицы —  
а по ха не хо-хо? — за углом рассуждает себе,  
де, нагрянет какой-нибудь финн и осядет в испуге.

И пускай на приколе все три бутафорских трубы —  
это чрево еще не остыло, и треснувший валик  
"Что нам Иерихон!.." завывает. И пена с губы —  
СПб, СПб, СПб... — ну и сплюнет хабарик.





## ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Андрей Петрович Трезин,  
чего повесил нос?  
Зачем ты нелюбезен  
и на пиру тверез?

Вольно ль тебе на этих  
просторных берегах  
да в трехсаженных клетях,  
неструганных гробах?

Тепло ль тебе на службе  
у батюшки Петра  
да в меншиковой дружбе  
в болоте, у костра?

Земля у нас богата  
железом и пенькой.  
А если брат на брата,—  
то каждый брат — герой.

А если бунт случится,  
и вспучится волна,  
и море накренится —  
твоя ли в том вина?

Доменико Трезини,  
гляди попроще: здесь  
в заморском дворянине  
всего заметней спесь.

Проныры да придурки  
попрыгают в графья —  
ногтем по штукатурке  
пройдет твоя графья.

Хотя охрип до тех пор,  
покуда не прозрел:  
российский архитектор  
и бессловесно смел.

Одна беда — нелепость,  
противная уму:  
ты станешь строить крепость,  
а выстроишь тюрьму,

ты выведешь каналы —  
венецианский ряд,  
но выберет канавы  
светлейший казнокрад.

Еще не раз закроют  
лепниной да землей,  
построенное сроят, —  
но этот город — твой.

И слава, и проклятье  
положены Петру,  
а ты в голландском платье  
незримый на ветру,

дабы в ином колене,  
не ведая родства,  
с тетрадкой на колене  
твой внук слагал слова:

зело бесполезен  
среди северных равнин  
Андрей Петрович Трезин,  
российский гражданин.



*Андрею Алексееву*

Не город — созрелая полость,  
а в тех раздвижных небесах  
гранитная мышца уперлась  
звезде в раззолоченный пах.

Не город — строка тараканья.  
Вот эдак и переведи:  
железо прозябло до камня,  
и камень промок до кости.

И архитектура нелепа.  
И архитектуры не жаль —  
казенной картонкой совдепа  
предстанет петрова скрижаль.

Не город — хотя и похоже  
рядами распиленных плит  
на город. Не город. Но что же  
так ясно, так звонко болит?

Серый, розовый, лиловый  
пятьдесят какой-то свет.  
Дышит кашею перловой  
гладиолусов букет.

Я ребенок, я счастливчик,  
у меня цветущий вид.  
— Испеки еще куличик! —  
нянька сверху говорит.

Я пеку его, куличик,  
я пеку его, пеку.  
Перекручен детский лифчик,  
пятка где-то на боку.

Оттого и не печется,  
что в песочнице печет.  
И затем она печется,  
что песок ручьем течет.

Он течет да натекает,  
подпирает под грибок,  
он старуху отмечает  
и меня относит вбок —

и стоять мне на песочных  
на непрочных на часах,  
строить из песка в песочных  
крупноблочных облаках,

там, где цепкая старуха  
в сером платье под зонтом  
смотрит пристально и сухо  
за врученным ей внучком.

## ЛЕТО 68-е

Молчат, которые постарше,  
зато подростку — исполать! —  
он твердо верует, что наши  
ушли свободу отстоять,

и по горам по Воробьевым  
щебечет желторотый птах  
про то, что Герцен с Огаревым  
о том клялись на Ленгорах.



Бледный, болотно-озерный модерн,  
предрасположенность к царству русалью, —  
слабый побег от общественных скверн  
века, уже провонявшего сталью.  
Даром зачитаны Вертер и Стерн,  
маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад  
гибкие ноги разводит лилея  
на штукатурке. И кажется — ад —  
это альковное зелье Бердслея  
или Бальмонта разбавленный яд...  
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Индустриальный закат сквозь окно  
над Петроградской близ моста Тучкова  
тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,  
легче ль воды Соловецкое слово,  
вправду ли Китеж уходит на дно,  
стеблем кувшинки связав часового?



## АТЛАНТЫ

Не ценили они мелочей  
и сложили про то поговорку:  
не бывает великим ручей,  
не тягаться с горою пригорку.

И теснились в убогих домах,  
оттого-то — наверно — до дрожи  
возбуждал их размер и размах,  
и масштаб, и количество тоже.

Бескорыстный блюдя интерес,  
над распластанным телом феллаха  
все катил, укрупняясь, прогресс  
на ничтожном колесике страха.

Прогрессивней считается то,  
что способно объять остальное.  
Десять в десять раз хуже, чем сто.  
Одиночество пишем виною.

Равнодушны к любви и к вину,  
все искали, искали чего-то,  
и считали великой войну,  
если в трупах сбивались со счета,

и вяли раскосых вождей  
в белом мраморе, в черном металле,  
и во имя пространных идей  
штурмовали и выси, и дали.

А в быту были робки, тихи,  
но работали денно и ночью,  
впрочем, также, писали стихи:  
иногда им платили (построчно).

И писали пожалуй что так:  
— О, Атлант! Ты сравнялся с богами!  
Лунный диск держишь ты на плечах,  
в диск земной упираясь ногами!

И величие с величиной  
перепунав — они осмелели,  
и попрали тогда шар земной,  
не заметив того,  
  так ребенок больной  
выпадает из смятой постели.

Мы спешили к ним, но не успели.

1979



## ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

Терракотовых ласточек вздыбленные хвосты.  
Ветеранов ондатровых звезды на заднике данном  
да суконная стужа заката — заставы, посты  
и грызня, если верить иным непроверенным данным.

Здесь, под сенью стены восходя на гранитный редут,  
через бруствер трибуны в окопной нахохлены думе —  
и болтают в низах: пулеметчики их берегут,  
расчертив на квадраты брусчатку, дежурят на ГУМе.

Как они воевали при страхе таком? Ордена  
доставали штыком или чем? И самим не понятно.  
В ликование бесстрашном под ними проходит страна.  
Старикам мавзолейным бесстрашие даже приятно.

От бесплатных больниц — до почти что бесплатных бойниц,  
От бесплотных докладов и здравниц — до масок бесполоых.  
Скоро, скоро портреты с фасадов повалятся ниц.  
Эта вспышка не выстрел в упор — крематория сполох.

## ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Поновили, подмазали, порассуждали,  
но все та же и в тех же пространствах нетронутых —  
узколицей цыганкой на автовокзале  
отвернулась и кормит ребят запеленутых.

И все тот же над ней лейтенантик ременчатый  
наблюдает да с палочки каплет мороженым,  
ну а некто, районной печатью отмеченный,  
спит поодаль на заменителе кожаном.

Да и ты, рассуждавший о ней, за колонною,  
точно тот живописец самоуверенный,  
что вписал себя сбоку в картину хваленую,  
а теперь поостыл и глядит, как потерянный.

В самом центре российского плоского глобуса —  
не Икара заоблачного, не паруса —  
ждешь, чтоб лед на Оке или встал, или тронулся,  
присоседился и поджидаешь "Икаруса",

обилеченный, в молодость облаченный,  
с фотокарточкой сверенный, не обличенный.

## МОРСКАЯ, 47

*Александр Марголису*

Анаграмма Александра,  
а притрешься рукавом —  
Феникс или Саламандра  
на жетоне страховом.

Может, Феникс, может, Сирин —  
это ли не все равно?  
Быт размыкан и растырен,  
бытие отменено.

То, что сам железный Феликс  
бдительный, не доглядел,  
соколиным взором вперьясь,  
колупнуть — всего-то дел!

То, что Киров не похерил,  
то, что Жданов не дожал...  
И кому считать потери,  
если мировой пожар?

И не все ль равно до сноса  
гнить под номером каким?  
В Невке Навуходоносор,  
в небе Осоавиахим...

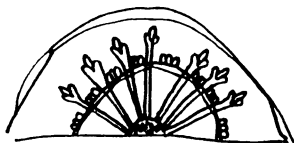
А глотнув такого духа,  
не подымешься афронт:  
в перспективе бляха-муха,  
Ленпроект и капремонт.

Для того ли, чтобы Сирин  
продавался на рубли,  
птица Феникс, птица Сирин  
этот дом уберегли?

Этот розовый, который  
лужским пламенем объят,  
с банно-прачечной конторой  
здесь живет Управиздат.

А во тьме, под штукатуркой,  
прижимаются тесней  
Саламандра — медной шкуркой,  
чудо-птицы, иже с ней.

Мировой пожар доселе  
только их не опалил.  
То ли спички отсырели,  
то ли ангел оттрубил.



Портрет жены художника  
в небесно-голубом.  
В одном окне Остоженка,  
да Лиговка в другом.

Два города, два чайника,  
конфорки включены.  
Портрет жены печальника,  
почти и не жены.

А те, которым завидно —  
сходили б за него!..  
Портрет семьи хозяина  
себя не самого.

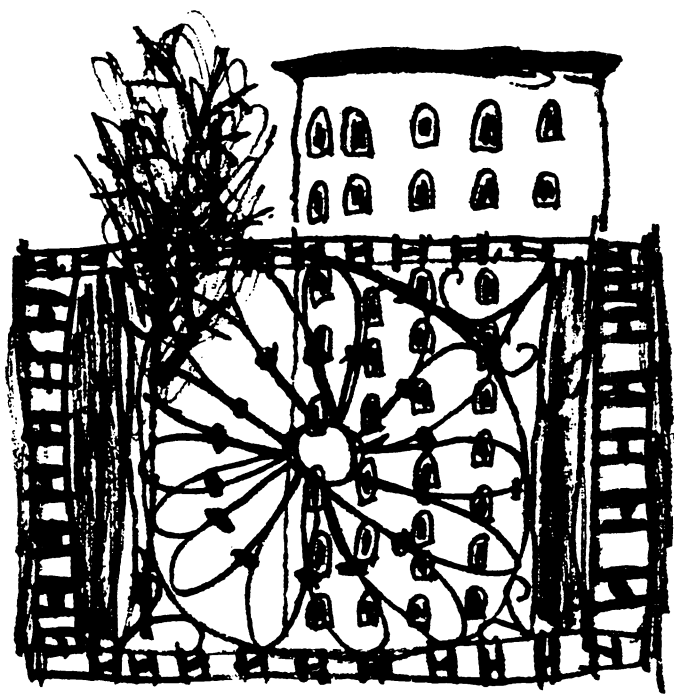
Влекомого, ведомого  
по ниточке ножа,  
портрет любви бездомного,  
домашнего бомжа.

Портрет жены художника —  
почти автопортрет.  
Венок из подорожника  
сплетен, да не надет.

## РОЖДЕСТВЕНО

На обочине смысла, на радужной пленке легкой плоти лексемной, яснее вдвойне: эти нити по сути неверны и ломки, этот пар проникаем, но где-то на дне атомарною млечностью, патиной вязкой загустеет, и как ни крадешься бочком — стрекозиный виток не приколешь указкой, тучку-бабочку впрок не прихлопнешь сачком. А поскольку струенье фаворского тока — лишь мираж, сами алчем чего и зачем? Энтомолог прозаиком станет, и только. Шахматист реалистом, не более чем.





## МАРЦИАЛУ, ИЗ РИМА

Если выпало в империи родиться...

*И.Б.*

Через десять лет в гирлянде дохлых мидий  
свиток выплюнет понтийское зеркало, —  
узнаю твой лик, блистательный Овидий,  
под прозрачным псевдонимом Марциала.

Скоро осень? Вот и вправду листья гонит  
подзаборный суховой столицы нашей.  
Цезарь здоровствует. Соратников хоронит.  
Обжирается, но реже, манной кашей.

Под стеною он одной ногой — в могиле,  
а другой, как Александр, в Афганистане,  
в той же Ливии, где нас опять побили:  
оттого и небогато с новостями.

Как гуляется тебе вниз головою?  
Кто латынь твою улыбкой привечает?  
Врут в Сенате, что грозите нам войною.  
Врут сивиллы, что броня на нас крепчает.

Колесницу третьеримскую за дышло  
не ухватят ни гелветы, ни языги, —  
где уж им! Живут как люди. Раз так вышло —  
позабудем ближних варваров языки.

В метрополии до срока все спокойно.  
Громыкает только в метрополитене —  
ну да нет такого слова! — и на кой нам  
тех гусей дразнить да падать на колени?

Все-то кукиш на прогорклом монориме  
приближаем к византийским абсолютам —  
как там в Риме? — позабыл ли, как тут в Риме! —  
аве, Цезарь, моритури те салютант.

Подхватив твои богатые сравненья —  
все как в доме том приличном перед платой:  
рожи ликторов плывут от умиленья,  
но клиент не тот, и выбор небогатый.

И торчат себе топорики в тростинках, —  
поле сжато и когда заколосится?  
Но боюсь: зазеленело на суглинках.  
Ждать недолго — завопит, заголосится.

Дай же, Господи, проконсулу здоровья!  
(Поневоле станешь тут христианином.)  
И Морфея в час безлунный к изголовью,  
и венок лавровый к новым именинам.

Он и принцепс, и понтифик, и — короче  
сократим на и т. д. титулатуру —  
он Плутарх и Демосфен... но нету мочи! —  
перейдем-ка лучше на литературу.

Тут полным-полно небитой молодежи.  
Ходят списки по рукам твои, и это,

если верить прорицателям, похоже —  
хоть и малая, но добрая примета.

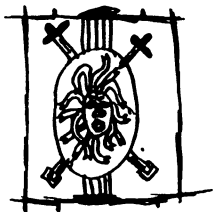
Собираются волчата вечерами,  
завывают что-то на ухо друг дружке,  
и хотя стишки трезвы (что между нами!) —  
разве заговоры лучше, чем пирушки?

Есть свобода заунывная в напевах,  
есть пиррихии в гекзаметрах — и ладно,  
не марать же лист! — а вот поэтов левых  
не люблю: хоть смело пишут, а нескладно.

Свиток мой — головоломка правоведа.  
Да пойдн, найди: не в тартар скроюсь — в табор,  
вон и ветвь в окне не знает права вето,  
оживает, несмотря на вечный ...тябрь.

Анаграммой припечатав, утром новым  
отойдет ко сну твой аноним нетвердый...  
Кстати, индекс в Риме переименован:  
вместо Третьего велют писать Четвертый.

*март 1982*



Гиря до полу дошла.  
Сдохла мышь под половицей.  
Выветрится. Не впервой.

Как перед грозой тишь,  
или как на той Каяле?  
Мститя — как перед грозой.

Улетели или сели диссиденты.  
Кроме мата — все бессмыслица. Как раз  
на Кропоткинской в портфеле  
обнаружена граната  
марки "Ардис". Неужели?  
Жалко, что не "Адидас".

Еле-еле откачали упыря —  
в анатомичке жрал сусличину. Рекомо:  
поделом, своих не тронь.

В "Комсомолке" снимок дали:  
группа панков, осквернивших  
вечный — так сказать — огонь.

Впрочем, пол не подымали.

Прагматики, железные мужи,  
влекомы выделеньями рассудка  
до неба громоздили этажи,  
а после отступили. Чья-то шутка  
бетонная о равенстве полов  
овладевала публикой на ложе  
Прокруста. А поверх живых голов  
под вечер брезжили рога и рожи,  
которых, впрочем, не было. Дыра  
над Антарктидой следствием фреона  
была объявлена. Певец добра,  
метафоры и синхрофазотрона  
пел шепотком влагательное "О!"  
Другой по колбасе и пестицидам  
с высоты Эн таланта своего  
расстреливал перуны. Суицидам  
подростков и бездетных матерей,  
и прочим олимпийским видам спорта —  
гип-гип!.. У нарисованных дверей  
парламента здоровая когорта  
евреев выявляла. "Новый мир"  
открылся мемуаром миротворца,  
который поднимал за Третий Мир  
бокал напалма.

Низенького горца  
покуда не склоняют... Вот тот мир,  
где нам с тобой еще светило солнце.

## РАСПУТИЦА

Снег шершав и рассветы корявы,  
но уже оскользается взгляд,  
потому что из каждой канавы  
небеса — не мигая — глядят.

Вдвое глубже, и выше, и шире,  
ибо вся отразилась в реке,  
города, что штыки растопыря,  
ты вот-вот воспаришь налегке —

не мотором стальным, дребезжащим,  
не пропеллером — смертным винтом —  
над прошедшим и над настоящим,  
над звездой своей и крестом,

и не тройкой — червоной тачанкой,  
ведь не зря по углам берегла  
эти кровли, пернатые дранкой,  
безъязыкие колокола.

Ну так в путь — над соленой и пресной,  
над слезящейся талой водой, —  
поднебесная — станешь небесной,  
золотою утрешься зарей

над прибрежной строкой краснотала,  
где надежная — в пролежнях — грязь,  
и над всеми, кого ты заспала,  
грузной грудью на грудь навалясь.

В карауле архангельской стражи  
как живые склонились они:  
а иначе нельзя же... нельзя же,  
потому что последние дни,

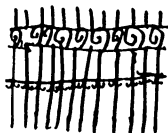
потому что крылатая почта  
раззвонила на все голоса,  
что водою пропитана почва,  
и текут по земле небеса.

1985





Эта слабая тень в слишком позднем окне  
с неуклюжим изломом куда-то вовне,  
эта женщина, тонкая не по летам,  
эта та, что над нами на краешке, там,  
та, с которой не спать — разве только что спеть —  
ти-та-та, та, которую встретил бы впредь, —  
не узнал бы да хмыкнул, и которую тут  
вертихвосткой зовут и монашкой зовут,  
та, что манит ладошкой, а словно крылом,  
чьи грядущие лжи и обиды — в былом.



Машинист и сам не знает,  
что везет тебя ко мне —  
стрелку к стрелке подбирает  
на железном полотне,

веко к веку прилипает,  
но вот так и на часах  
стрелка к стрелке приникает  
от меня в трехстах верстах,

где лучом единорога  
разделяясь пополам,  
разбегается дорога  
по невидимым полям.

## ВЫРИЙ

Когда над Вырой облака  
удерживал я над тобою,  
не опрокинув их, пока  
не грянули они бедою,

когда бессилен побороть,  
я продышал — всего лишь с ноготь  
зрачок, и ледяную плоть —  
рот ободрав — успел потрогать, —

увидел не тебя, мой свет,  
а краем, самым краем зренья —  
тот край, где почему-то нет  
разъятия и разлученья.

Веточка вены на левом виске,  
слабая — с временем накоротке,  
тонкая под суховеем ветла,  
светлая — но и под гримом светла,  
словно кому обещалась светить,  
прядью не спрятать, косынкой не скрыть,  
малая речка нездешних полей,  
так и не ставшая жизнью моей.



Эта жизнь моя, крытая толем,  
послушанием листовым,  
изогнувшийся низким глаголом  
дачных падалиц листовенный дым,  
и слоями меж небом и пашней  
за штакетником календаря  
разрушение кроны вчерашней  
на кленовом листе ноября,  
и соседская дань суесловью  
с кандидатом столичных наук,  
да в суглинке бок о бок с морковью —  
хрен да редька, да репчатый лук.

Неужели не надоело  
лишь подошвою почву месить?  
Прежде чем положить в нее тело —  
вдруг опомнишься душу вложить.  
Не сейчас, так хотя бы под старость,  
если светит оттуда и нам  
огородных обрядов усталость,  
бузиной охраняемый храм,  
тот расстриженный, краснокирпичный,  
где крест-накрест горбыль у ворот,  
где весна скорлупою яичной  
только хрустнет — и тронется лед.

Можно ли и пожелать такого —  
рекрутом сквозь годы, как сквозь строй,  
заменяя все-таки другого,  
оставаясь все ж-таки собой? —

в колее обычной бабьей доли  
обретя почти счастливый вид,  
на твое унылое "доколе?" —  
только улыбнется и смолчит.

И тоску усердием утра,  
утверждать — мол, ничего, — живем,  
в лихачевский томик "Домостроя"  
как в кровать ныряя перед сном.

Вёдро — пустое ведро опрокинуто навзничь.  
Донце облуплено — не остынет и за ночь.

Где мы? В Тмутаракани? Царьграде? Париже?  
Для нашей темы можно бы и поближе.

Камни степные белых костей белее —  
вот тебе черепки в горсти Водолея,

лунного клея не хватит соединить их.  
Вытекло время в море. Секутся нити.

Так говорю — ты же взглядом уходишь по склонам.  
Птица плещется в сини, облачко в море Черном.

И одиноко нам, и солоно одинаково —  
сколько порушено, столько же и наплакано.

И сердце тобой захлебнется, едва  
сомкнутся вскипевшие по роговице  
две бездны — и разъединятся слова,  
и мир раздвоится.

Куда, раздвоив, ты уводишь меня,  
руками укрыв и упрятав под веки —  
не в эту ли область слепого огня,  
в которой горят и горят человеки,

и что там за краем желания, за  
чертой, до которой вы нас допустили, —  
а дальше нельзя, не смотри! И глаза  
вспотевшей ладошкой на миг заслонили.





Зачем мне этот ключ от дома,  
в котором ни дверей, ни стен —  
лишь прошлогодняя солома,  
чужой печали едкий тлен,

чужой любви непрочный плотик,  
притопленный на полпути...

Один и есть на свете плотник,  
чтоб эти стены возвести.

И то не прежде, чем стенанья  
под крышу возведешь к нему,  
и между делом мирозданья  
он высветлит и эту тьму.

*Е.Д.*

Едва повернет от Успения к Покрову,  
и губы набухнут от влаги гниющей свирели —  
душа как больная собака находит траву  
в ближайшем дворе, на помойке ли, на пустыре ли.

Смотри: так и ветви смиряют растительный зуд,  
отторгнув плоды и слагая истасканный ситец,  
и горькую сырость созвездий, как соску сосут,  
и это важней, чем дыхание и фотосинтез.

Не плачь, ради Бога не бойся, все страхи — вранье.  
Когда это брезговал он неумытой душою?  
Как прачка Мария отбелит, отмолит ее,  
прикроет привычной ладонью, по-женски большою.

## ВЛАДИМИРСКАЯ

Прилабунится, ища защиты  
у щеки младенческой щекой,  
и иконописные ланиты  
озарятся краскою земной.

Как ты им втолкуешь, бестолковым,  
что и мыслью можно исколоть  
эту плоть, наполненную словом,  
светом замороженную плоть?

Он — дитя. И, может быть, не знает —  
для чего пришли? чего хотят?  
Но сама его не отстраняет.  
И сама не опускает взгляд.

В горький город горький путь...  
*Из старой тетради*

От нервического тика  
негражданственных свобод  
снится седенький заика,  
аналитик и юрод,

тот, сухой и большерукий,  
всенародно битый тать,  
отлученный от науки  
лжи молчаньем потакать.

Щурится от поворота,  
запределен и нелеп,  
и протягивает что-то  
так похожее на хлеб.

А у нас свои печали,  
актуальнее его —  
мы ж себя не расщепляли,  
нам-то каяться с чего?

А у нас в руке синица  
да с повидлом бутерброд.  
И чего он только снится,  
колотушкой в сердце бьет?

## С УКРАИНСКОГО

(из Лины Костенко)

Фанерным журавлям уже не нужен Вырий.  
Не жди, не оживут. Они и так вдали.  
Пои живой водой, полнеба плачем вылей...  
А мы-то, мы-то, мы... Мы тоже кли-ка-ли...

С деревьев моросит. Гнездо прибито криво.  
Смыкается октябрь над маревом полей.  
Где небо, где земля? И кто поднимет крылья  
таких ручных, таких фанерных журавлей?



## ПРЕОБРАЖЕНИЕ

*Александру Семочкину*

Что-то действительно стало с водой,  
или подняли плотину?  
Только не ври, что за речкой Грязной  
в Оредеж бросил полтину.  
Если еще и осталась плотва —  
чудо ли? — вместо форели.  
Если еще и остались слова —  
так и слова отсырели.  
Наших алкеев и наших кассандр  
помнят по воплям барачным  
там, где выходит отец Александр  
под псевдонимом прозрачным.  
От мандельштамовских жирных стрекоз  
да от радищевской лиры  
поезд идет до поселка Семхоз  
и не доходит до Выры.  
Вот и твердишь, извлекая из мреж  
тяжких — куда их ни кинешь —  
Оредеж, Радонеж, Трубеж, Сенеж.  
Радонеж. Оредеж. Китеж.

Отрясень в июне — с листвы,  
а сентябрьский — вместе с листвою  
так вот и обдаст с головы  
припасенной влагой лесною.

А в лугах — ого! — благодать,  
и бредя по стежкам бедовым,  
весело себя воображать  
хмурым адмиралом Шишковым,

не стишки — слова сочинять,  
сень и синь в реторте мешая,  
тростью зелена сокрушать,  
точно "Арзамас" сокрушая.

...но ведь что-то было и в них,  
сих старообрядцах бедовых,  
буйный велемировский стих  
не на тех ли вскормлен половах?

Бортовые пли! И стучит  
по стволам. Продрог? Ну так что же?  
...потому по-русски звучит:  
на орясень дюже похоже.

Вселенных черные икринки  
висят — которая моя? —  
на самой тонкой паутинке,  
на самом дне небытия.

Откуда сон? Откуда эта  
лучом расчисленная слизь —  
музыка темного завета,  
твердящего: не промахнись!

И там и тут белок мерцает,  
и набухает теснота.  
И та, и эта вызревает,  
а выживет — одна из ста.



Поперхнешься воздухом пушистым,  
оттолкнешь ладонями окно:  
упаси родиться пейзажистом! —  
это ремесло обречено,

если вопреки пределу зренья  
укрупняет самый ближний план  
целый таз вишневого варенья,  
с кручи опрокинутый в туман.

Надо быть любителем отпетым,  
чтобы в простоте возревновать  
то, что было воздухом и светом,  
словом или цветом называть.

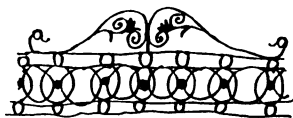
Соловьиного пенья, что сора в прозябшей низине.  
Невесомых скорлупок не вымести и ветрам.  
Верхоглядом над кручей, юнцом постаревшим, разиней  
озирая окрестность, — читать по слогам.

Это прорези воя — женщины или птицы.  
Пепелище прощаний, эпохи несграбный сюжет.  
Тусклый список теней, отпечатанных на роговице —  
чем слабее, тем горше, чем дальше — тем резче просвет.

Снег на ниточках идет —  
елочный, лиловый,  
потому что Новый год  
и под старость новый.

И поди убереги  
взрослый страх резонный  
от истерзанной фольги  
в полынье оконной,

стекленя за стеклом,  
как по наущенью,  
зарастая Рождеством  
на пути к Крещенью.



Господин капитан бомбардирский — косичка торчком  
только с лошади скок — саданет о скалу каблучком,  
и звездами пойдет, как стеклянный, тот камень-гранит,  
или глиной обмякнет, но в точности след сохранит.

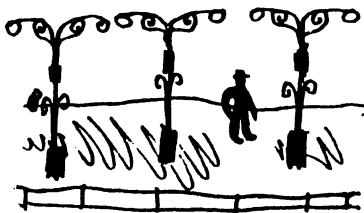
Восковая слеза помутится на медной щеке.  
Узнавай по глазам свою выделку в каждом щенке.  
Чудотворец рыгает и блеет: ужю пощажу!  
Не под пытку, так на ассамблею для куражу.

Время плеточкой машет и все-то стрижет по верхам.  
Мимо рта мед да пиво текут у певца по усам.  
И не это беда, что не пьян, а как пьяный опух.  
Ни руки не поднять, ни смахнуть малахитовых мух.

## НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ, КАК ИГРАТЬ НА КОЛОКОЛЬЧИКЕ

Плач и смех, и звонкая печаль  
свиты в этой музыке убогой —  
если хочешь, чтобы он звучал, —  
бей, но пальцем купола не трогай.

А не то облапят с головой  
да обложат как меньшого брата,  
а потом кивают меж собой:  
— Форма есть, но чувства маловато.



## ХОДАСЕВИЧ

Этот век ему не пара,  
даром, что над мостовой  
встал он на краю бульвара  
с непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.  
Мутная сомкнулась твердь.  
Впредь — ловить его дыханье,  
задыхаясь, кашлять впредь,

и в предвиденье разлуки  
здесь, у площади Сенной,  
вслед за Блоком комкать руки  
над сожженной строкой.

Ты просей словарь, как просо,  
через сито языка.  
Ты вскипай, крутая проза,  
в чугушке черновика.

В. Б.

Такой московский — грузен и небрит,  
он, возвращаясь к постоянной теме, —  
вот питерская рифма! — говорит —  
пельмени-Мельпомене.

А в драме и в пельменной перерыв,  
и самозванцем выглядит философ,  
что лирику дидактикой смирив,  
юродствует за-ради парадоксов.

Се хохотун, неправильный герой  
из детства, из придавленного действия.  
Но я-то видел, как при нем иглой  
на караул берет Адмиралтейство.

*О. П. Павлюкевич*

Лютеранке в православном храме  
и перекреститься не грешно:  
питерские кирхи под замками,  
или приспособлены давно.

Но кому-то ж надо и в блокаду  
по-немецки Господа просить,  
а потом бежать по Ленинграду  
русским буквам правнучку учить.

Затерялась, соблюла приличья,  
выжила на смертной полосе.  
Ни двуличия, ни двуязычья —  
маленькая, выглядит, как все.

Фатер унзер, это не из спеси,  
это из непрожитых веков —  
стены твердокаменных конфессий  
ниже ленинградских облаков.



Каково скалолазу глядеть в небеса,  
если пик его жизни — не выше Монблана?  
Из незримых расщелин зовут голоса.  
Из-под наста звучат горячо и гортанно.

Каково атеисту, когда он один?..  
А хотя б не один... Только давит зиянье,  
где зеницей сгущается ультрамарин,  
сокращается вечность и нет расстоянья.

От болезней по младости убережен —  
ан, уже замечает: крепка укоризна.  
Вот и прет на рекорд, на кордон, на рожон,  
Эверест или Пик Коммунизма.

Нету гор выше гор! Но и новая рать  
станет песни горланить, сбивая ботинки.  
Годовалая Ева пытается яблоко рвать  
прямо с книжной картинки.

Там, где музыки в досталь, но ни канифоли, ни пота,  
где пробег замозоленных членов и вовсе незрим,  
а разъятая тень инструмента, что пасть бегемота,  
невесома телесность, и падает, падает Рим,

где источника нет, потому что не будет истока,  
где вращая дискетку на кончике световом  
мироздание не тяжелей виноградного сока,  
а когда загустеет — слезу не сотрешь рукавом,

где слоеные складки текущих внизу поколений —  
только шелест листвы, где и грешники станут чисты,  
где не труд, не гармония бреда и преодолений —  
эта жажда, вложившая в язвы живые персты.

Из почтового — потом  
в деревянный ящик.  
Ну да отпоет местком  
всех, сюда входящих.

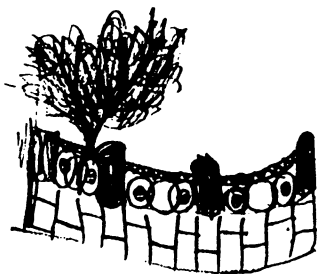
Тот же воздух испитой  
обожжет у входа,  
точно перед номерной  
проходной завода.

Кумачом течет металл.  
Ночь кострами вьется.  
А за то, что век молчал —  
вечность выть придется.

*1978*

Спроси у вечернего неба  
краюху негорького хлеба,  
глоток родникового дня,  
фонарик, чтоб вспомнить меня,

прощенья, забвенья, лекарства...  
И только коня и полцарства  
да счастья себе не проси, —  
при них не прожить на Руси.



Монашествующий в миру,  
как страстотерпец на пиру  
в своем смирении великом  
блзнить не должен постным ликом.

А стихотворствующий тут,  
покорен своему обету,  
и перевод сочтет не в труд,  
и как награду примет Лету.

## 10 ФЕВРАЛЯ

Пасхальная облуплена эмаль.  
Подслеповатый циферблат расстрижен.  
И только арапченок на запятках  
чернильницы — свой смуглый тычет кукиш  
отважно отвернувшейся кликуше  
в обтянутые крепом ягодицы  
и нам с тобой моргает: *nota bene!*  
А, кстати, стол стоял совсем не здесь.

Бьет луч из-за портьеры. Солнце русской  
поэзии — храмовница в экстазе  
совокупляет звуки — закатилось,  
апхчи! — и ты смеешься. Арапченок  
невозмутим, но удовлетворен.

Дымится день. Плывет дерьмо в Обводном.  
Торжественно искрит толченный мрамор.  
Сипит оленинграженный расстрига —  
одних вертушек сорок тысяч! да-с!..  
В Немецкой церкви ангелы слетают  
на головы купальщиков. Мышата  
кота хоронят позади Сенатской.  
И шесть часов до 600 секунд.



# ГЕНЕТЛИАКОН

послание к Иксу и Игреку  
о Московском царе Алексее,  
предупрежденном немцем-астрологом  
об эпидемии чумы и посрамившим немца,  
а также о том, что пишут по этому поводу  
разные авторы — иноземные и отечественные

Не зри на мя, аки волк на агнеца,  
но зри на мя, аки мати на младенца.

*Даниил Заточник*

Алексей Михайлович Тишайший,  
бывший между Грозным и Великим,  
не откушавши и простокваши,  
встал наутро даже слишком тихим.

С вечера пред ним лежала карта  
Всей Вселенной, а поверх Вселенной —  
розовый пергамен Энгельгарта,  
труд астрологический, секретный.



Немец врал: вдали обсерватории,  
без таблицы, без инструментария,  
посреди заснеженной Московии,  
на краю земного полушария

ненадежны звездные энклитики  
для расчетов внутренней политики.

На вопрос о сопредельной Турции,  
близкой Швеции и дальней Дании:  
наказуя праздные индукции,  
церковь порицает волхование.

Марс горяч, но слово государево  
и остудит, и раздует зарево.

Хитрый немец то ли продал черту  
свою душу, то ль кому подальше —  
ляху или турку. К звездочету  
Алексей Михайлович Тишайший

не затем писал, чтоб выходило  
как у ведьмы-дуры — так на эдак! —  
впрочем, что-то в той хартийке было,  
вот и припасалось напоследок:

Жди беды в предел своей державы  
не от козней ляха или турка —  
вижу: люди падают, как травы,  
но не слышу сабельного стука,

потому что скосит пол-Европы  
лютый всадник на коне крылатом

и махнет через твои сугробы  
в тыща шестисот шестьдесят пятом!

Вот какие страшные напасти  
предрекал британский этот немец.  
Язву обуздать не в царской власти! —  
врал царю ученый иноземец.

И хотя забыл свои таблицы,  
не привез ни трубки, ни пенала —  
оставалось плакать и молиться,  
раз такое горе подступало.

...или как у них в "Декамероне",  
не надеясь даже и на чудо —  
скоморохов звать, блудить на троне,  
жрать и сказки сказывать, покуда

вьется возле нечисть моровая,  
вотчину твою перебирая?

Алексей Михайлович Тишайший,  
не любивший скоморошьей скверны,  
каши и в обед не расхлебавши —  
мыслил. А царевны-Алексевны,

три порфирородные юницы,  
слушали сопение органа,  
забавляясь, аки голубицы,  
под присмотром дядьки-басурмана,

и к тому же складывали вирши,  
лексикон латинский затвердивши.

...здесь, должно быть, вставка летописца:  
Евдокия, Софья и Мария  
де, едва успели народиться...  
Впрочем, допетровская Россия

знала толк в строительстве органном,  
даже и за море их дарили,  
и персидский шах с бухарским ханом  
музыку московскую ценили,

нехристи, а чувствовали кожей:  
трубный глас — духовный. Зачит — божий.

Богомолен, но не суеверен,  
в полдень царь прикрикнул на царевен,

повелел боярам подыматься,  
приказал дворянам собираться,

дабы впредь российские пределы  
сквозняком поганым не продуло,  
птица бы и та не пролетела,  
полевая мышь не прошмыгнула —

веру верить — значит дело делать,  
что нам звездочетовы таблицы?  
Ратники, полков, наверно, девять  
в новолетье встали вдоль границы.

И двойным кордоном санитарным  
саморучно Русь перепоясав,  
бил поклоны и в приказе Тайном  
даже с ляхом был до срока ласков.

А когда на будущее лето  
этот самый всадник молодецкий  
выкосил почти пол-бела-света,  
но не одолел кордон стрелецкий —

распростился мудрый царь московский  
с посрамленным немцем-звездочетом,  
обрядивши в царские обноски,  
отпустил не абы как — с почетом,

чтобы и в Британии узнали,  
сколь хитра московская затея!

И прошло семь лет, и у Натальи  
родился сынок от Алексея,

и в честь ключника, что запирает  
райские врата пред маловером,  
был крещен... А дальше всякий знает,  
как мы жили при Петре, при Первом...

В этом месте на полях приписка,  
скоропись, заквашенная вязью:

се родила баба василиска  
по кощунству и по безобразью.  
Петр — он сам масон, и сын масона.  
Слева резолюция: ре-зон-но!

А чуток правей — листок в линейку  
из тетрадки за одну копейку:

Алексей Михайлович Тишайший —  
благодетель всей державы нашей,

это он заслон поставил мору,  
оттого-то Русь и вышла к морю,

Царь, а не кичился подлой славой,  
не гулял в тулупчике нагольном,  
не конфузил шведа под Полтавой...  
Ты его сконфузь-ка под Стокгольмом!

Се ля ви: тот копит — этот тратит.  
Тот блюдет себя, а тот не помнит.

Батька ладит, щели конопатит,  
а сынок придет — окно проломит!

В тексте пропуск, ряд протертых точек  
и карандаша летучий прочерк —————

Ссылка: Разговоры в царстве мертвых,  
сочинение Петра Крекшина.  
И начальным почерком на стертых  
сгибах —

буквами большими:

Даром, что Тишайшим прозывался!  
Ну а как же Соляной и Медный  
бунты? А раскол образовался —  
тоже сам собою? Этот бедный,

юный огонь — невинности румянец —  
не тогда ли попусту размыкан?  
Для чего терпел старообрядец,  
для чего Степан, Богдан и Никон?

И отсюда линия прямая  
к линии великого младенца,  
что явился на исходе мая,  
как прошло семь лет с отъезда немца.

Новогодней полночью зачатый  
на утеху птицам в темных нишах  
он развесит на стене зубчатой  
тех стрельцов, чуму остановивших.

А уж как пойдет лихое дело,  
как пойдет — читай того ж Крекшина —  
быть пожару. И земля сгорела  
вглубь себя на полтора аршина.

И посол державы иностранной,  
сургучом закапавши и воском,  
доносил, что фабрики органной  
впредь не будет на холме кремлевском,

дескать, государь зело намерен  
известить старинную забаву:  
натерпелся в детстве от царевен!  
Ох, любили поиграть на славу...

А у московитов есть обычай —  
среди реки на Масляной неделе,  
издавая свист и гогот птичий,  
жечь на льду и лиры, и свирели.

...что-то оттепели зачастили!  
Распустили розовые юнии.  
Сколько цвета, Господи, побили!  
Где они, юнии да июли?..

Нет, недаром Алексей оплакан  
в час, когда разошлись ножки трона,  
и недаром врал генетлиакон  
Епифания и Семиона,

мол, явился отрок богомольный,  
и планеты встали в лучшем виде,  
мол, аспект четырехугольный  
был на небе, егда Петр прииде!

Это после! А тогда с порога  
Семион мешал исторгнуть бремя:  
Потерпи — просил — еще немного,  
не рожай — просил — еще не время!!

Знали, знали подлые монахи.  
Утаились в трепете невольном,  
убоялись, вот и скрыли в страхе,  
что аспект был т у п о у г о л ь н ы м!..

## ПОСТСКРИПТУМ

Поясню: генетлиакон — это  
гороскоп, изложенный стихами.  
Ну а что касается аспекта —  
если надо, разбирайтесь сами...

У несжатой нашей книжной нивы  
между финских стенок и паласов,  
мы нелюбопытны и ленивы,  
как заметил, кажется... Некрасов.

И своих преданий не читаем,  
ежели не в пикулевском вкусе,

и своей истории не знаем,  
ежели она не в кратком курсе,

но при всей тоске официоза,  
и при том, что платят маловато,  
и при том, что в Красноярске — проза,  
а в столицах брат пошел на брата, —

хорошо с неглупыми людьми  
выявить: что новенького в мире?

Извели Россию марсиане?  
Отыскались градусы в кефире?

Тут еще зараза из Европы,  
ну и негативные процессы:  
аэробика и гороскопы,  
йоги, возвращенцы, экстрасенсы...

И как шашку выхватим цитату,  
разбираясь, кто виновен в том, что?.. —  
и цитатую по супостату,  
если от себя себе же тошно...

Но и это, верно, так по-русски,  
просадив полжизни на копейку,  
из двухкомнатной своей кутузки  
выйти на бульварную идейку.

Западники и славянофилы —  
тот своей любитесь системкой,  
тот на стенку лезет, что есть силы,  
а желает лезть на стенку стенкой.



Вот Россия — опытное поле... —  
обронил один неглупый лирик.  
И как током вечное "доколе?" —  
и за каждой кочкою — рубильник.

Ну и Петр — он нашей же закваски:  
никакие немцы не смогли бы  
всю Россию так по-русопятски  
онемечивши — поднять на дыбы

у семи ветров на перекрестке,  
где варяги переходят в греки,  
где простоволосые березки  
над обрывом, аки человеки.

1987



## СОДЕРЖАНИЕ

"Ангел, вслепую летящий над Лиговкой, не..."	5
"Вощеную щеколду опрокинув..."	6
"Цветных теней земные имена..."	7
"Особенно когда зеленого в избытке..."	8
"Шитье повилики и вспененный панцирь плюща..."	9
РАДИЩЕВ.	10
"Перепели песни и во тьму..."	11
ПОМИНОВЕНИЕ.	12
"Не глотнувшие духа и страха того..."	14
"Если думать о времени..."	15
ГРАДОСТРОИТЕЛЬ.	17
"Не город — сопредая полость..."	20
"Серый, розовый, лиловый..."	21
ЛЕТО 68 -е	22
"Бледный, болотно-озерный модерн..."	23
АТЛАНТЫ	24
ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ.	26
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ	27
МОРСКАЯ, 47	28
"Портрет жены художника..."	30
РОЖДЕСТВЕНО	31
МАРЦИАЛУ, ИЗ РИМА	33
"Гиря до полу дошла..."	36
"Прагматики, железные мужи..."	37
РАСПУТИЦА.	38

"Эта слабая тень в слишком позднем окне..."	40
"Машинист и сам не знает..."	41
<b>ВЫРИЙ.</b>	42
"Веточка вены на левом виске..."	43
"Эта жизнь моя, крытая толем..."	44
"Можно ли и пожелать такого..."	45
"Вёдро — пустое ведро опрокинуто навзничь..."	46
"И сердце тобой захлебнется, едва..."	47
"Зачем мне этот ключ от дома..."	48
"Едва повернет от Успения к Покрову..."	49
<b>ВЛАДИМИРСКАЯ</b>	50
"От нервического тика..."	51
<b>С УКРАИНСКОГО</b>	52
<b>ПРЕОБРАЖЕНИЕ</b>	53
"Отрясень в июне..."	54
"Вселенных черные икринки..."	55
"Поперхнешься воздухом пушистым..."	56
"Соловьиного пенья, что сора..."	57
"Снег на ниточках идет..."	58
"Господин капитан бомбардирский..."	59
<b>НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ</b>	60
<b>ХОДАСЕВИЧ</b>	61
<b>В. Б.</b>	62
"Лютеранке в православном храме..."	63
"Каково скалолазу глядеть в небеса..."	64
"Там, где музыки вдосталь..."	65
"Из почтового — потом..."	66
"Спроси у вечернего неба..."	67
"Монашествующий в миру..."	68
<b>10 ФЕВРАЛЯ</b>	69
<b>ГЕНЕТЛИАКОН</b>	71